

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации

**Идиостиль прозы Дж. Оруэлла и особенности его сохранения при
переводе (на примере романа "1984")**

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология
магистерская программа Теоретические и прикладные аспекты перевода
заочной формы обучения,
группы 04001553
Кулабухова Артёма Анатольевича

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Дехнич О.В.

Рецензент:
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков БГТУ им. В.Г. Шухова
Беседина Т.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Общее понятие идиостиля. Особенности прозы Джорджа Оруэлла.	6
1.1. Идиостиль и языковая личность. Особенности прозы Джорджа Оруэлла	6
Выводы по Главе 1	14
Глава 2. Понятие антиутопии. «Новояз» Джорджа Оруэлла.	15
2.1. Понятие антиутопии.	15
2.2. «Новояз» Джорджа Оруэлла.	18
Выводы по Главе 2	22
Глава 3. Сложность сохранения идиостиля Джорджа Оруэлла при переводе на русский язык на примере романа 1984.	23
3.1. Анализ и сравнение переводов романа Джорджа Оруэлла «1984».	23
Выводы по Главе 3	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
Список использованной литературы	63

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена изучению идиостиля Джорджа Оруэлла, а также особенностям его сохранения при переводе на материале романа «1984».

Суть данного исследования заключается в выявлении наиболее характерных особенностей прозы Джорджа Оруэлла. Только изучив идиостиль автора, можно приступать к переводу его текстов. А чтобы определить идиостиль, требуется сначала собрать как можно больше фактов о личности писателя: наиболее важные факты из биографии, философские взгляды, характер, а также (в данном случае это занимает особенное место) политические убеждения.

Исследованиями понятия идиостиль занимались такие филологи, как В. Виноградов, Д. Мухортов, Е. Фоменко, Ю. Караулов и многие другие.

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что роман Джорджа Оруэлла «1984» до сих пор вызывает интерес, как объект перевода. Разные издатели выпускают разные, не похожие друг на друга, варианты одного и того же текста. До сих пор нет единого мнения о том, какой из подходов к переводу «новояза» лучше.

Объектом исследования настоящей выпускной квалификационной работы является проблема сохранения идиостиля Джорджа Оруэлла при переводе на русский язык.

Предметом исследования являются особенности передачи вымышленного языка «новояза» на русский язык и романа «1984» в целом, а также сравнение двух наиболее известных версий перевода.

Цель исследования, в соответствии с обозначенными объектом и предметом настоящей работы, состоит в формировании представления об

идиостиле Джорджа Оруэлла, а также разбор наиболее популярных переводов романа «1984» на русский язык.

Данное исследование направлено на решение следующих **задач**:

1. Изучение научной литературы, связанной с вышеописанной целью.
2. Определение понятий идиостиль и языковая личность.
3. Определение такого понятия как антиутопия.
4. Изучение роли вымышленных языков, в частности «Новояза» в рамках жанра антиутопии.
5. Анализ романа Джорджа Оруэлла «1984».
6. Сравнение переводов романа Джорджа Оруэлла «1984».
7. Формирование заключения по исследованию в целом.

Теоретической базой для настоящего исследования послужили научные работы таких филологов как В. Виноградов, Д. Мухортов, Е. Фоменко, Ю. Караулов.

Материалом настоящего исследования послужило произведение Дж. Оруэлла «1984» и его переводы на русский язык (перевод В. Голышева; перевод Д. Иванова и В. Недошвина).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Твердые политические убеждения, чрезмерная тяга к эмпатии и справедливости, аналитический склад ума – основные элементы, формирующие идиостиль Джорджа Оруэлла. Краткость и конкретность – главные правила, коим неукоснительно следует писатель.
2. Перевод В. Голышева является эталонным на данный момент. Переводчик лучше всех проанализировал прозу Джорджа Оруэлла, разобрал её посыл и подтекст, а также сумел сохранить уникальный индивидуальный стиль автора при переносе рассматриваемого нами романа на русский язык.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что продолжают появляться всё новые и новые версии переводов романа «1984».

Результаты возможно прольют свет на некоторые аспекты творчества Джорджа Оруэлла.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты исследования в дальнейшем могут использоваться при написании научных статей, курсовых, дипломных и магистерских работ. При этом материал может быть полезен очередному гипотетическому переводчику, решившему поделиться своим видением перевода романа уже с учетом современных условий.

Структура исследования определяется целями и задачами данной работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы:

1. Во Введении рассматривается актуальность проведенного исследования, формулируются его цели, задачи, указываются источники фактического материала, а также практическая и теоритическая значимость настоящей работы.

2. В первой главе раскрывается значение понятий «идиостиль», «языковая личность», антиутопия. Содержится анализ особенностей использования вымышленного языка «Новояз» в антиутопии «1984».

3. Во второй главе проводится анализ и сравнение переводов романа Джорджа Оруэлла «1984». Анализ особенностей поиска эквивалентов терминам «новояза», а также попытки переводчиков сохранить индивидуальный стиль Джорджа Оруэлла, и при этом верно передать подтекст, посыл и зачастую неявный, скрытый смысл, заложенный автором.

4. В Заключении сформулированы выводы по проведенному исследованию.

Глава 1. Общее понятие идиостиля

1.1. Идиостиль и языковая личность

Идиостиль – это совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка.

«Образ автора», поясняет А. Н. Соколов, — это, «говоря шире и точнее, выражение личности художника в его творении. .. это не стиль, и не личность является основой стилевого единства в искусстве. Эту основу надо искать в эстетических и идеологических предпосылках стиля. Нисколько не принижая значения творческой личности, мы рассматриваем ее как особое и самостоятельное условие художественного и, в частности, стилевого своеобразия. Личность придает стилю индивидуальное своеобразие, но осуществляется это не непосредственно и не помимо факторов, а через посредство всех тех факторов, которыми определены основные черты художественной оригинальности. Своеобразие, придаваемое стилю творческой личностью, как бы наслаивается на своеобразие, создаваемое стилеобразующими факторами. (Виноградов В.В., 1971: 180).

То есть, проще говоря, идиостиль – это набор особенностей прозы, которые присущи отдельно взятому индивиду. На формирование идиостиля писателя влияет всё, абсолютно всё, что происходит вокруг него. Это «всё» воспринимается им через призму собственного мировоззрения, основанного на жизненном опыте из всех сфер деятельности, а также на интеллектуальных способностях, позволяющих по-своему анализировать и толковать происходящее, а также формулировать определенные выводы.

По М.П. Котюровой идиостиль как – это «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении

языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т.п.» (М. Котюрова 2003: 96). То есть М. Котюрова выделяет идиостиль, как часть языковой личности, «идиостиль соотносится не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта в частности» (М. Котюрова 2003: 96).

Для понимания указанного М. Котюровой определения идиостиля следует разобраться с таким понятием, как *социальная роль*.

В своей статье «Языковые средства реализации социальной роли в художественном тексте» Т. Лесных пишет, что для исследования обозначенной темы важно определить понятие социальной роли, связываемое, в свою очередь, с составляющими ее понятиями позиции и функции. Позиция определяется общим положением человека в социальной среде – позиция отца, матери, сына и т.д.; позиции присущи специфические функции, которые занимающий ее призван исполнять (Т. Лесных, 2006: 249).

Сразу же Т. Лесных приводит определение, данное филологом Н. Формановской. Социальная роль – это нормативное сочетание позиции и функции, при этом та или иная роль связывается с образцом поведения, с ожиданиями того, что человек в данной роли обязан делать и на что он имеет право. Следовательно, позиция, функция, права, обязанности, ожидания – все это, складываясь, составляет обобщенный нормативный образец той или иной социальной роли (Н. Формановская 1989: 31).

Далее Т. Лесных справедливо замечает, что понятие роли необходимо также рассматривать с точки зрения психологии, согласно которой роль непосредственно связывается с игрой (Т. Лесных 2006: 249). И здесь приводятся слова Эрика Берна из его работы «Люди, которые играют в игры», в соответствии с которыми понятие игры рассматривается, как серия следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Этот повторяющийся набор

транзакций обладает скрытой мотивацией; как правило, это серия ходов, содержащих подвох (Э. Берн 2000: 42).

Итак, мы определили, что отличительные особенности идиостиля сопряжены с той социальной ролью, которую *играет* писатель. Так какую же роль в нашем случае играет Джордж Оруэлл?

Начнем с того, что Джордж Оруэлл – это литературный псевдоним Эрика Артура Блэра. Это уже предполагает некую условность. Джордж Оруэлл – это социальная роль, которую для себя сам определил Блэр.

Согласно статье Н.А. Зинкевича «Джордж Оруэлл», Эрик Артур Блэр родился в семье госслужащего и дочери торговца. С детства мечтал стать писателем и, проявив незаурядные способности в разных сферах учебы, поступил в Итон, самую привилегированную частную школу Великобритании, открывавшую путь в Оксфорд или Кембридж. Далее он поступил на службу в полицию, но вскоре разочаровывался в системе и отправился в странствия по Европе. Социалистические симпатии привели его в ряды испанских республиканцев, когда там разразилась гражданская война. По завершению войны он, наконец, определился с политическими убеждениями и далее пропагандировал их в своих последующих работах. Тогда-то и началась борьба писателя со всем миром. Борьба, которая длилась вплоть до самой кончины Оруэлла.

Оруэлл — до мозга костей английский писатель. Его «английскость» проявлялась в обыденной жизни, в его «любительстве» (Оруэлл не получил университетского образования); в эксцентричной манере одеваться; в любви к земле (в собственном огороде гуляла собственная коза); в близости к природе (он разделял идеи опрощения); в приверженности традициям. Но вместе с тем Оруэллу никогда не было свойственно «островное» мышление или интеллектуальный снобизм. Он был хорошо знаком с русской и французской литературой, пристально следил за политической жизнью не только Европы, но и других

континентов, всегда относил себя к «политическим писателям» (Н. Зинкевич, 2001).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тексты Оруэлла были пропитаны его политическими убеждениями. Глубокая заинтересованность и осведомленность в этой сфере очень явно отразились на идиостиле писателя. Его тексты изобилуют разного рода терминами и аллегориями политической направленности. Джордж Оруэлл удачно оперирует языком, зная, что именно следует написать, чтобы вызвать у читателя нужные эмоции и мысли.

Но для понимания прозы Оруэлла мало разобрать идиостиль писателя. Ведь это, как мы выяснили, лишь составляющая часть чего-то большего, а именно – языковой личности.

Что же следует понимать под языковой личностью? Каково в самом общем виде содержание этого понятия? В решении этого вопроса надо, очевидно, исходить из понимания современной наукой личности вообще. В психологии личность трактуется как относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями. В повседневном понимании, говоря о личности, мы имеем в виду стиль жизни индивида или характерный способ реагирования на жизненные проблемы. В итоге получается, что и по определению, и по сложившейся исследовательской практике при изучении личности и ее описании в психологии в центре внимания исследователей находятся некогнитивные аспекты человека, т.е. его эмоциональные характеристики и воля, а не интеллект и способности. (Ю. Караулов, 2004: 35).

Отсюда следует, что для понимания прозы Оруэлла необходимо дать оценку его личности в эмоциональном аспекте. И так, что можно сказать о характере писателя? Здесь достаточно обратиться к фактам из его биографии. Эрик Блэр заканчивает Итон, но пренебрегает полученными возможностями в угоду духу авантюризма, который зародился в нём благодаря таким

писателям, как Джонатан Свифт, Лоренс Стерн, Джек Лондон. Эрик Блэр отправляется в Париж - средоточие европейской богемы. Но он ведет там скромный образ жизни, обитает в рабочем квартале, зарабатывает мытьем посуды. Эрик Блэр интересуется социализмом и проверять теорию он решается на практике. Со своими предположениями он едет на войну, где окончательно формируется его мировосприятие. Эрик Блэр с тех пор и до конца жизни изобличает самые гнусные пороки общества. Нередко его проза носит пророческий, предостерегающий характер. Оруэлл – человек действия, для которого важно лично разобраться в вопросе, прежде, чем переносить мысли на бумагу. Не будучи профессиональным лингвистом, он не искушен в литературе, и следовательно ценит ясность и конкретику.

В интервью журналу «Иностранный язык» В. Гольшев даёт следующую оценку творчеству Оруэлла, в частности его прозе:

«Оруэлл по-английски пишет, но когда ты подумаешь, как можно писать в совершенной честности, без всяких украшений, когда человека только мысль тащит и он ее не хочет продать подороже и нарядить, но занят только честным соображением. Когда переводишь, ты имеешь в виду, что так тоже люди говорят. Ты о честности в этом бизнесе представление имеешь до него, но тут это очень наглядно, будто в музее: наглядная честность».

(В. Гольшев, 1995, 5).

То есть такие черты характера Оруэлла, как честность, искренность, порядочность, способность к состраданию, упорство, трудолюбие – всё это проявляется также в его прозе.

Но одно дело подходить к анализу прозы Оруэлла через изучение теории и сопутствующих ей материалов. Совсем другое дело, когда сам писатель облегчает нам задачу. За три года до смерти в 1946 году Джордж Оруэлл написал эссе под названием «Политика и английский язык». Ниже будут приведены выдержки из этого эссе с соответствующим разбором.

«...комбинация расплывчатостей и обыкновенной неумелости — самая заметная черта современной английской прозы, в особенности всех политических писаний. Как только касаются определенных тем, конкретное растворяется в абстрактном, и сами собой на язык просятся затасканные обороты речи: проза все реже и реже состоит из слов, выбранных ради их значения, и все чаще и чаще — из «фраз», приставляемых одна к другой, как детали сборного курятника».

(Дж. Оруэлл).

Чувствуется негативное отношение Оруэлла к искусственному раздуванию текста. Ведь действительно, стоит нам открыть практически любой журнал или найти по телевизору любое публичное выступление, как на нас вываливается такое количество замысловатых фраз, что после прочитанного/услышанного невольно задаешься вопросом: «А что собственно сказать-то хотел?». Мало того, что заменив эти *фразы* словами, четко выражающими мысль, мы убедимся, что рассматриваемый *текст* будет сжат в десятки раз. А если таковых слов не подберется, то вывод напрашивается не слишком положительный: возможно там и нет никакого смысла, а только лишь одно словоблудие.

«Вся современная проза стремится прочь от конкретности».

(Дж. Оруэлл)

И опять же Джордж Оруэлл писал про современную ему прозу, то есть сороковые годы двадцатого столетия. Даже представить страшно, какое гневное эссе написал бы британец, покажи мы ему, например, запись выступлений Хиллари Клинтон во время президентских выборов 2016 года.

В следующей выдержке Джордж Оруэлл уже не столько критикует, сколько предлагает пути решения. Более того, он оставляет нам небольшой свод простых правил, которых предлагает придерживаться. Это очень поможет в раскрытии особенностей индивидуального стиля писателя. Ведь нет никаких сомнений в том, что Оруэлл, человек с аналитическим складом ума придерживался его сам, в частности при написании романа «1984».

«Надо избавляться от всех износившихся слов и идиом. Не надо заботиться о безупречности грамматики и синтаксиса — она не так важна, если ты можешь правильно донести свой смысл; не надо избегать американизмов и стремиться к «хорошему стилю», но не надо впадать и в ложную простоту и превращать письменный английский в разговорный. Не надо всякий раз отдавать предпочтение саксонскому слову перед латинским, хотя лучше использовать меньше слов и более коротких, если они способны передать смысл. Но самое главное — пусть смысл выбирает слова, а не наоборот. Самое худшее, что можно сделать со словами в прозе, — это сдать на их милость. Когда вы думаете о конкретном предмете, вы думаете без слов, а затем, если хотите описать то, что представили себе, вы начинаете поиски и находите нужные точные слова. Когда вы думаете о чем-то отвлеченном, вы склонны первым делом хвататься за слово, и, если не удерживаться от этого, сложившийся диалект ринется к вам на помощь, сделает за вас вашу работу — правда, затемнив или даже изменив исходный смысл. Может быть, лучше всего не прибегать к словам, пока вы не проясните для себя смысл через образы и ощущения. А после можно выбирать — не просто принимать — слова и обороты, которые лучше всего выразят значение, после чего остановиться и подумать, какое впечатление могут произвести ваши слова на другого человека. Это последнее умственное усилие отрежет все затрепанные и смешанные образы, все готовые фразы, ненужные повторы и вообще всякую чушь и невнятицу. Но часто возникают сомнения в том, как действует твое слово или фраза, и, когда не подсказывает инстинкт, надо положиться на какие-то правила. Мне кажется, в большинстве случаев пригодны следующие:

1. Никогда не пользоваться метафорой, сравнением или иной фигурой речи, если они часто попадались в печати.
2. Никогда не употреблять длинного слова, если можно обойтись коротким.
3. Если слово можно убрать — убрать его.

4. Никогда не употреблять иностранного выражения, научного слова или жаргонного слова, если можно найти повседневный английский эквивалент.

5. Лучше нарушить любое из этих правил, чем написать заведомую дичь».

(Дж. Оруэлл)

Итак, мы имеем характеристику идиостиля Джорджа Оруэлла, данную самим Джорджем Оруэллом. После такого исчерпывающего, прямого и четкого ответа на поставленный в данной работе вопрос, ничего не остается, как завершить первую главу словами из знаменитого «романа в стихах»: «Я к вам пишу - чего же боле? Что я могу ещё сказать?» (А.С. Пушкин, 1823).

Выводы по Главе 1

Главной особенностью прозы Джорджа Оруэлла является конкретика. Донесение максимального объема информации путем задействования минимального количества единиц языка. Примерно так можно сформулировать кредо, которым руководствуется писатель.

Идиостиль Оруэлла определяется глубокой политизированностью его прозы. По сути, каждым своим романом, эссе, каждой статьей писатель взывает к обществу. Предостерегает и предсказывает. Оруэлл в литературе подобен глашатаю на площади. Он кричит и бьется, как может.

Его борьба продолжалась до конца жизни. Более того, Оруэлл дописывал «1984» будучи тяжело больным и закончил роман за три месяца до смерти, что также сказалось на характере прозы.

Идиостилю Оруэлла также присущи прямота и бескомпромиссность. Краткие портреты героев вкупе с практически полным отсутствием пейзажей, являются ярким подтверждением того, что писатель не уделяет внимания вещам, на раскрытие смысла, по его мнению, никак не влияющим.

Глава 2. Понятие антиутопии. «Новаяз» Джорджа Оруэлла

2.1. Понятие антиутопии

Антиуто́пия (дистопия, негативная утопия), критическое изображение общества будущего; противоположна утопии, будучи зачастую пародией или сатирой на неё. А. зарождается как реакция на распространение идей образцового общественного устройства (Т. Мор, Т. Кампанелла и др.), показывая возможные антигуманные и опасные последствия их осуществления (Большая Российская энциклопедия).

Традиционным пониманием антиутопии является представление ее как литературного жанра XX века, в котором критически осмысляются концепции идеального общества. В центре антиутопий, как правило, тоталитарное (или близкое к нему) общество будущего, где различные стороны общественной жизни строго регламентируются правительством, которому так или иначе пытается противостоять протагонист. Значимость антиутопии для социально-философского осмысления человека, на наш взгляд, заключается в ее остром противопоставлении личности и общества, благодаря которому исследователь может выстроить четкие критерии дивергенции этих двух объектов. Подобно тому, как естествоиспытатели ищут предельные состояния целостности вещества, доводя его до крайних температур, антиутописты пытаются найти предел прочности человеческой души в доведенной до абсурда социальной среде. (Л. Юсупова, 2014:209).

Сам термин антиутопия был введен еще в девятнадцатом столетии Джоном Миллем. А первым сильным романом, написанном исключительно в рамках данного жанра, принято считать «Мы» Е. Замятина. Однако, несмотря на всё это, данный термин неразрывно связан и ассоциируется у подавляющего большинства людей именно с Джорджем Оруэллом.

Теоретические споры о границах жанра ведутся давно. Терминологические разногласия в итоге утряслись, и сейчас наметились три

градации: утопия – т. е. идеально хорошее общество, дистопия – «идеально» плохое и антиутопия – находящееся где-то посередине. (Э. Геворкян, 1989).

Антиутопия - это не просто суд над существующим обществом или критика утопических представлений об обществе идеальном. Это та форма критики, когда в роли судьи выступает Время. Оно должно подтвердить или опровергнуть представления утопистов, выявить то дурное, что содержится в обществе сегодняшнего дня. Антиутопия - это критическое рассмотрение прогресса, поэтому она и не могла появиться раньше, чем сформировалась идея прогресса, раньше XVIII века (Ю. Кагарлицкий, 1974).

Роман-антиутопия – это отдельный жанр, центральным конфликтом которого является противостояние страха человека перед мощной тоталитарной машиной государства с одной стороны и его понятию о нравственности, моральным ценностям, а также мировосприятию и убеждениям с другой.

Отсюда следует, что роман Джорджа Оруэлла «1984» действительно является ярким представителем данного жанра. Одной из проблем, поднимаемых писателем, является проблема систематизации поведения героем. Проблема, при которой герой никак не может определить, расставить приоритеты и метается от параноидального стремления к безопасности до личностных устремлений и желаний. И зачастую в реальной жизни люди выбирают первое. Ведь в соответствии с той же теорией иерархии потребностей А. Маслоу, человек не может испытывать потребности высокого уровня, пока нуждается в удовлетворении более базовых. То есть, пока потребность в безопасности не будет удовлетворена, человек в большинстве случаев не станет рисковать ради призрачного шанса удовлетворить потребность в уважении или, например, потребность в самореализации.

Антиутописты говорят нам о том, как важно оставаться человеком в любом общественном строе, при любом политическом режиме историческом отрезке. Если позволить «сузить» свою человеческую «широту», ради каких бы то ни было великих идеалов, то эти идеалы могут быть политическими, общественными, историческими, но никогда не могут быть человеческими. (Л. Юсупова, 2014:211).

Одной из особенностей романа Джорджа Оруэлла «1984» является вымышленный язык «новояз», который как раз таки и является одним из главных инструментов государства, призванных «сузить» горизонт мышления жителей Океании.

2.2. «Новояз» Джорджа Оруэлла

Существует огромное количество информации, так или иначе связанной или раскрывающей понятие «новояз». Однако в данной работе основное внимание будет уделено приложению к роману самого Джорджа Оруэлла под названием «О новоязе», в котором он подробно описал данное явление.

«Новояз, официальный язык Океании, был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию ангсоца, или английского социализма. В 1984 году им еще никто не пользовался как единственным средством общения — ни устно, ни письменно. Передовые статьи в «Таймс» писались на новоязе, но это дело требовало исключительного мастерства, и его поручали специалистам. Предполагали, что старояз (т. е. современный литературный язык) будет окончательно вытеснен новоязом к 2050 году. А пока что он неуклонно завоевывал позиции: члены партии стремились употреблять в повседневной речи все больше новоязовских слов и грамматических форм. Вариант, существовавший в 1984 году и зафиксированный в девятом и десятом изданиях Словаря новояза, считался промежуточным и включал в себя много лишних слов и архаических форм, которые надлежало со временем упразднить. Здесь пойдет речь об окончательном, усовершенствованном варианте, закрепленном в одиннадцатом издании Словаря» (Дж. Оруэлл).

Так начинается эссе. И сразу мы видим, что новояз создан именно для тех целей, которые были описаны в предыдущей части главы. Естественно, что при работе над новоязом Оруэлл отталкивался от уже существующих лингвистических изуверств, широко применяемых различными тоталитарными государствами.

Новояз — это язык-эрзац, призванный заменить непомерно раздутый всякими ненужными и бессмысленными словами «старояз». Состоял он из трёх словарей: словарь «А», словарь «В» и словарь «С».

Вот как вкратце характеризует их А. Бартов:

«1. Словарь А включал только те слова, употребление которых необходимо в повседневной жизни. Словарь А состоял почти полностью из обычных слов старояза, очищенных от неясностей и смысловых оттенков, и предоставлял инструменты лишь для выражения мыслей о простейших физических действиях и материальных объектах. В нем не было слов, позволяющих рассуждать об абстрактных концепциях.

2. Словарь В состоял из слов, специально конструируемых для выражения политических или этических понятий. Именно в этом словаре наиболее ярко проявляются все основные принципы новояза.

3. Словарь С являлся вспомогательным, в него включались лишь научные и технические термины, имеющие хождение среди специалистов. Смысл этих терминов также был очищен от нежелательных значений, они практически не пересекались с лексемами других словарей». (А. Бартов, 2009).

Главными соображениями, которыми руководствовались филологи, корпя над новой версией, были: благозвучие, ясность мысли и идеологическая безупречность. В соответствии со словами одного из героев романа, в качестве конечного результата от языка должен был остаться лишь «скелет».

На самом деле самое страшное в феномене новояза то, что подобные извращения в действительности существовали. В 1923-1924 гг Николаем Марром сформировалась, так называемая, яфетическая теория. В её основу легли две основные идеи:

«Первая из них была диаметрально противоположна обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные языки. Согласно Марру, языковое развитие идет в обратном направлении: от множества к единству. Языки возникали независимо друг от друга: не только русский и украинский языки исконно не родственны, но и каждый русский диалект и говор был в

прошлом отдельным, самостоятельно возникшим языком. Затем происходил процесс скрещения, когда два языка в результате взаимодействия превращались в новый третий язык, который в равной степени является потомком обоих языков. Например, французский язык – скрещенный латинско-яфетиче-ский[1], причем, отсутствие склонения и неразвитость спряжения представляют собой исконно яфетическую его черту. В результате мно-жества скрещений количество языков уменьшается, и в коммуни-стическом обществе этот процесс найдет завершение в создании всемирного языка, отличного от всех существующих.

Другая идея относилась к структурному развитию языков. Согласно Марру, хотя языки возникли независимо друг от друга, они всегда развивались по абсолютно единым законам, хотя и с; неодинаковой скоростью. Звуковая речь возникла в первобытном обществе в среде магов и первоначально была средством классовой борьбы. Поначалу у всех народов она состояла из одних и тех же четырех элементов САЛ, БЕР, ИОН, РОШ, которые имели характер "диффузных выкриков". Постепенно из их комбинаций формировались слова, появлялись фонетика и грамматика. При этом все языки проходят одни и те же стадии, определяемые уровнем социально-экономического развития. Любой народ на том или ином экономическом уровне обязательно обладает языком, находящимся на соответствующей этому уровню стадии (аморфной, агглютинативной, флективной, и т.д.); более того, на некотором уровне социально-экономического развития в любой точке земного шара одни и те же значения выражаются одинаково, например, вода на одной из экономических стадий будет именоваться су. При изменении экономического базиса язык как часть надстройки подвергается революционному взрыву и становится качественно иным как структурно, так и материально; однако в языке остаются следы прежних стадий вплоть до четырех элементов, которые можно выделить в любом слове любого языка; отыскание таких следов Марр именовал лингвистической палеонтологией. Связь языка с базисом была прослежена

Марром для разных стадий первобытного общества; вопрос о языковых соответствиях формаций от рабовладельческой до социалистической Марр всегда обходил; снова охотно он начинал говорить лишь о языке коммунистического общества, который, по его мнению, должен был потерять звуковой характер» (В.М. Алпатов, 1993, №4, с.271-288).

То есть даже учитывая откровенную псевдонаучность и абсурд данной «теории», какое-то время она всё же просуществовала ввиду того, что её составитель очень удачно приплёл к ней господствующую тогда марксистско-ленинскую идеологию. Мало того, многие известные лингвисты, пребывая под впечатлением от «революционности» теории, искренне поддерживали Н. Марра. Что уж говорить об обычном жителе страны, который, не имея соответствующих навыков легко принял бы сие за чистую монету.

Решение о «новом учении о языке» принималось на самом высоком уровне. Стоит отметить, что, в отличие от своего литературного аналога (в романе «1984»), И. Сталин лично разгромил яфетическую теорию. В своей работе, напечатанной в газете «Правда» 20 июня 1950 года под названием «Марксизм и вопросы языкознания», Сталин подверг сокрушительной критике яфетическую теорию Марра, которая на протяжении двух десятилетий господствовала в СССР, и поставил точку в дискуссии относительно марризма.

Итак, как видно из всего вышеизложенного, «новояз» - язык, разумеется, вымышленный, однако история знает реальные попытки реальных людей продвинуть и закрепить в обществе подобные абсурдные идеи.

«В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». (Н. Марр, 1930).

Выводы по Главе 2

Роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» является классическим представителем своего жанра. Данное произведение получило настолько сильный отклик в сердцах читателей всего мира, что по праву обладает статусом «вечно актуального».

Оруэлловский «новояз» вышел за пределы романа и широко применяется в публицистике в следующих значениях:

а) Диалект определенной субкультуры, особенно образованный путем преднамеренного искажения слов литературного языка (например, часто термин «новояз» употребляется по отношению к языку «маргиналов»).

б) Языковой стиль политической или иной пропаганды и агитации, в котором используются неологизмы и эвфемизмы, призванные замаскировать или скрыть реальное положение вещей. В частности, как «новояз» в публицистике нередко обозначаются языки официальных документов и периодики нацистской Германии и СССР (например, об уничтожении евреев говорилось как о «решении еврейского вопроса», о войне в Афганистане как о «выполнении интернационального долга» и т. п.).

(А. Бартов, 2009).

Перед переводчиком, работающим над данным романом, стоит поистине тяжелая задача. Кроме изучения личности писателя, его идиостиля и понимания самого текста, переводчику также предстоит работать над вымышленным языком, подчиняющимся определенным правилам.

Если следовать логике романа, а, значит, и самого Джорджа Оруэлла, то можно заключить, что, если ограничить человека в возможности выразить свои эмоции через речь, то эмоциональный диапазон, как и диапазон мышления, будет последовательно сужаться.

Глава 3. Сложность сохранения идиостиля Джорджа Оруэлла при переводе на русский язык на примере романа 1984

3.1. Анализ и сравнение переводов романа Джорджа Оруэлла «1984»

В этой части работы будут рассмотрены особенности перевода романа 1984 на русский язык. Это напрямую связано с раскрытием особенностей авторской прозы. Будет проведено сравнение переводов В. Голышева и Д. Иванова и В. Недошвина. Будут разобраны приёмы, используемые переводчиками в разных случаях, а также некоторые спорные моменты.

Поскольку, как было замечено ранее, рассматриваемый нами роман является ко всему прочему ещё и острой пародийной сатирой на тоталитарный режим СССР, то нет ничего удивительного в том, что 1984 полон аллегорий и отсылок к различным советским праздникам, традициям (в целом масштабным государственным мероприятиям), политическому укладу страны (внутренней и внешней политике), пространственным аббревиатурам, сокращениям и даже личностям. То есть перед переводчиками помимо трудности работы с Оруэлловским новоязом, стояла также проблема поиска эквивалентов оригиналу, при том, что сам оригинал является вымышленным эквивалентом советским терминам и явлениям. То есть на выходе получается двойная работа: сначала поиск советского эквивалента для раскрытия и лучшего понимания смысла языковой единицы, и уже потом подбор русского эквивалента, понятного читателю.

Буквально с первых строк романа переводчики сразу же сталкиваются с одним из таких моментов:

«Winston Smith, his chin nuzzled into his breast in an effort to escape the vile wind, slipped quickly through the glass doors of *Victory Mansions*, though not quickly enough to prevent a swirl of gritty dust from entering along with him». (Оруэлл).

«Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь жилого дома «Победа», но все-таки впустил за собой вихрь зернистой пыли». (В. Голышев).

«Уинстон Смит, прижав подбородок к груди и ежась от омерзительного ветра, быстро скользнул в стеклянные двери Дома Победы, но все же вихрь песка и пыли успел ворваться вместе с ним». (Д. Иванова и В. Недошвина).

«Victory Mansions» переведено здесь как «жилой дом «Победа»» и «Дом Победы» соответственно. Забегая вперед, стоит отметить, что везде, где в романе фигурирует Victory Mansions, переводчики используют именно эти варианты. На мой взгляд, это искажает смысл, вложенный автором. Victory Mansions, как и Victory gin, как и Victory cigarettes, как и Victory coffee – это не просто названия бренда. В том-то и дело, что бренд в стране один – государственный. Один вид джина, один вид сигарет, один вид кофе и один вид жилых домов для всех членов партии. Здесь под Victory Mansions подразумевается массовая застройка, проводится очевидная параллель с советским подходом к архитектуре и обеспечению жильем населения (например, в разное время: общежития, гостинки, сталинки, хрущевки). А жилой дом «Победа» не подразумевает массовую застройку. Например, если читатель не владеет информацией касательно вышеуказанного явления, то он и не поймёт, что имел в виду Оруэлл. Здесь, на мой взгляд, правильнее было бы перевести Mansions, как типовой жилой комплекс или серия жилых домов. То есть «...Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь жилого дома «Победа»...», получившееся в результате конкретизации оригинала, с помощью модуляции или смыслового развития приводим к следующему варианту: «...Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь одного из домов жилого комплекса «Победа»/типа «Победа»/серии «Победа»...».

Таким образом, сразу становится понятно, что все члены партии, как и главный герой романа, Уинстон Смит, пьют одинаковый джин/кофе, курят одинаковые сигареты и живут в одинаковых квартирах.

Далее по сюжету идет описание портрета, изображенного на плакатах размещенных везде, где только можно. По описанию портрета понятно, что это явная отсылка к Иосифу Виссарионовичу Сталину (генеральный секретарь ЦК ВКП(б) 03.04.1922-05.14.1952, позднее с 15.10.1952 ЦК КПСС). Надпись на плакате гласила: «BIG BROTHER IS WATCHING YOU», что В. Голышев перевёл как «СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ». Да, по сути, тут всё предельно понятно и использование такого простого приёма, как калькирование вполне оправдано. Но лично мне не даёт покоя выражение «СМОТРИТ НА ТЕБЯ». Не то, чтобы это было так важно, но всё же, вариант В. Голышева не совсем отвечает реально вложенному образу.

Как известно, западный мир тех лет (да и сейчас) поддерживал определенный образ вождя ВКП(б), а именно: авторитарный тиран, циничный деспот-параноик, организовавший тотальную слежку за всем и вся. Поэтому вариант переводчика «СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ», на мой взгляд, не совсем отображает заложенный автором смысл. Всё же речь идёт о сильном бескомпромиссном государственном аппарате со всеми его структурами-щупальцами. Этот гигантский тоталитарный осьминог не просто смотрит, а скорее следит или наблюдает. Следовательно, корректнее в плане достижения цели автором, а именно с первых же страниц романа вызвать у читателя, отождествляющего себя с главным героем, чувство параноидальной тревоги, ощущение тотального контроля и слежки, было бы перевести так: «СТАРШИЙ БРАТ НАБЛЮДАЕТ/СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ».

Д. Иванов и В. Недошвин перевели следующим образом: «БОЛЬШОЙ БРАТ ВИДИТ ТЕБЯ».

Кстати говоря, по мере поиска информации в интернете, на различных форумах мне приходилось не раз наткнуться на лингвистический спор, предметом которого и являлся этот портрет. Вопрос был в том, как лучше переводить «BIG BROTHER». Как большой брат или как старший брат. Аргументы приводились самые странные. Начиная с того, что, поскольку

Оруэлл британец, то «BIG BROTHER» - это, мол, отсылка к Биг-Бэну, и, следовательно, верным переводом будет «БОЛЬШОЙ БРАТ». Ну и заканчивая тем, что здесь подразумевается иллюзия братства, что Океания – это не просто государство для членов партии, но скорее семья. А при обращении в семье мы не говорим большой брат, поэтому для восприятия российского читателя правильнее будет именно «СТАРШИЙ БРАТ». В общем, как бы там ни было, оба варианта имеют место быть и достойны жарких споров на форумах вокруг себя.

Однако вот как комментирует сам В. Голышев этот нюанс, отвечая на вопрос Наталии Киени в рамках интервью журналу «Т&Р» (theory and practice):

« — У Джорджа Оруэлла есть фраза «Старший Брат смотрит на тебя», но прижился менее точный перевод: «Большой Брат следит за тобой». Почему так произошло?

— «Big Brother» — это «Старший Брат», а не «Большой». Я думаю, переводчик просто недостаточно знал язык и столкнулся с этим выражением впервые. Но второй перевод прижился, потому что «Большой Брат» — это вроде Сталина. Считается, что это более экспрессивно. Это словосочетание звучит не по-русски, и в этом больше угрозы. Оно отделяет тебя от такого «Брата». «Старший Брат» — это вроде свой человек.

— У Оруэлла был вложен смысл родственности изначально?

— А он помер, я не могу у него спросить. Думаю, в английском тексте напряга из-за «Big Brother» меньше, чем в русском. Я знал, что эффектнее будет сказать «Большой», но мне совесть не позволила так сделать.» (<https://theoryandpractice.ru/posts/10266-golyshev>)

«Inside the flat a fruity voice was reading out a list of figures which had something to do with the production of pig-iron. The voice came from an oblong metal plaque like a dulled mirror which formed part of the surface of the right-hand wall». (Оруэлл).

«В квартире сочный голос что-то говорил о производстве чугуна, зачитывал цифры. Голос шел из заделанной в правую стену продолговатой металлической пластины, похожей на мутное зеркало». (В. Голышев).

Прочитав, эти строки, можно примерно представить себе это устройство. Но, наткнувшись далее на «Аппарат этот (он назывался телекран)...», пришлось снова перечитывать описание. «Телекран» - именно это слово является выбором практически всех российских переводчиков. В оригинале неологизм Оруэлла пишется как «telescreen». Слово telescreen состоит из двух морфем: префикса tele- и корня -screen.

В нашем языке, как это обычно принято, греческий префикс «tele» транслитерируется в «теле». Толковый словарь Ушакова даёт следующее определение префиксу «теле»:

ТЕЛЕ... (греч. tele – далеко)

1. Первая часть составных слов в знач. направленный вдаль, напр. телеграф, телефон, телескоп, телевидение.
2. Первая часть составных слов в знач. прил. к телевидение (неол.), напр. Телепередача, телеизображение, телецентр.

Вторая морфема «screen» переводится как экран.

Итак, независимо от того, является ли слово телеэкран авторским неологизмом или нет, разобрав его поморфемно и учитывая описание Оруэлла («Голос шел из заделанной в правую стену продолговатой металлической пластины, похожей на мутное зеркало»), читатель вполне может для себя определить следующее:

Телеэкрaн - это некое устройство, состоящее из экрана шириной в стену, центр управления которым находится удалённо, дистанционно.

То есть тут в принципе всё было в достаточной степени очевидно. Берёшь и переводишь, как оно есть – телеэкрaн. Всё предельно просто и предельно понятно. Но рассматриваемый нами переводчик, да собственно как большинство его коллег по цеху, из каких-то сомнительных эстетических соображений решил опустить эту единственную букву, без которой понимание сути этого устройства усложняется для рядового читателя, не имеющего возможности свериться с оригиналом.

Единственный разумный аргумент в пользу «телекрана», который мне удалось найти, перевернув самые разные источники вдоль и поперек, так это желание переводчика сохранить для слова характер неологизма. Слово телеэкрaн-то в принципе в обиходе было давно. Но самое главное здесь то, что возможно никаких телекранов реально не было к моменту перевода, но сейчас это вполне себе самостоятельное слово. Да, в толковых словарях его пока нет, но в обиходе люди профессий и специальностей, связанных со строительством или грузоподъемом, совершенно отчетливо понимают под телекраном пульт дистанционного управления кран-балкой . Отсюда вытекает, что слово «телекран», как вариант перевода слову «telescreen», морально устарело, потому как означает в современном мире совсем другое, реально существующее устройство. Ну и на самом деле можно было так и перевести: телеэкрaн. А если задаться целью сохранения неологизма, то можно вообще транслитерировать оригинал в «телескрин».

Теперь рассмотрим вариант «Когда он вошел в свою квартиру, бархатный голос зачитывал сводку цифр, имевших какое-то отношение к выплавке чугуна. Голос шел из вмонтированной в правую стену комнаты продолговатой металлической пластины, напоминавшей тусклое зеркало...

... Этот прибор (он назывался «монитор»)...». (Д. Иванов и В. Недошвин).

Слово «монитор» не являлось неологизмом не то что на момент перевода, а даже на момент издания романа в 1949 году. Также ввиду отсутствия приставки tele- данное устройство не подразумевает дистанционного управления, а значит, не соответствует заложенному автором функционалу.

Ingsoc. Почему Джордж Оруэлл для обозначения такого явления как English Socialism (Английский Социализм) выбрал именно этот вариант, а не реальный Engsoc? Чуть позже автор сам даёт частичный ответ на этот вопрос, описывая размышления Уинстона Смита:

«He did not believe he had ever heard the word **Ingsoc** before 1960, but it was possible that in its Oldspeak form- 'English Socialism', that is to say — it had been current earlier». (Оруэлл).

«Кажется, слова «ангсоц» он тоже не слышал до 1960 года, хотя возможно, что в староязычной форме — «английский социализм» — оно имело хождение и раньше». (В. Голышев).

«Даже слово «Ангсоц» он вроде бы не слышал до 1960 года. Впрочем, возможно, оно и существовало раньше, но произносилось на старом английском языке как «английский социализм»». (Д. Иванов и В. Недошвин).

Скорее всего, чтобы в очередной раз подчеркнуть желание правящей партии полностью отойти от старой речи (Oldspeak), так как использование дореволюционных слов создает предпосылки для инакомыслия.

Революция в романе была совершена в 1930-1940-х годах (точно неизвестно). А это как раз тот период в истории Англии, когда были сильны симпатии к социализму. Однако то, что имели в виду англичане под Английским Социализмом и то, что в альтернативной вселенной 1984 правящая партия Океании в итоге предложила обществу – совсем разные вещи. Назвать этот навязанный образ жизни и систему ценностей старым словом engsoc было рискованным. Ведь в слегка замутнённой разумом голове рядового члена этого общества, особенно среди тех, кто постарше вполне может что-то шевельнуться и вызвать ряд ассоциаций или

воспоминаний. Поэтому лёгким движением пера *engsoc* превращается в *ingsoc*. Омофон, который ни к чему не обязывает власти, не вызывает никаких ассоциаций у электората, а главное – этим словом можно объяснить всё, решительно всё, что происходит в королевстве Датском. Плюс к этому данный первичный эрратив обладает особым эффектом, он подчеркивает извращенность, которой подвергся английский социализм в классическом его понимании. Казалось бы, насколько простой лингвистический приём, а какой подтекст!

Нельзя здесь не вспомнить то, о чём говорилось выше при рассмотрении биографии Оруэлла. Поскольку при повествовании он использует именно столько слов, сколько нужно, чтобы донести информацию, не пускаясь особо в объяснения, то в любом месте, где чувствуешь некий скрытый смысл, существует бесконечно высокая вероятность, что он там действительно имеет место быть. Даже при анализе произведения в разрезе лингвистики.

Здесь соответственно возникает трудность в сохранении всего заложенного Оруэллом смысла при переводе. Может, и можно было бы транслитерировать в «ингсоц» или просто исказить до «онгсоц», например. Но они уже являются фонетически идентичными верному «ангсоцу». Единственный вариант сохранения эрратива в данном случае – это сыграть на звонкой согласной «-г-». «*Анксоц*», на мой взгляд, всё же было бы корректнее. Однако, учитывая то, что рядовой российский (да и советский) читатель к такому словосочетанию как «английский социализм» не привык, то вполне допустим использованный в обоих случаях вариант «ангсоц». Для нашего читателя это слово звучит также непонятно и абстрактно, каким для Уинстона Смита является слово *ingsoc*.

Итак, мы, наконец, подобрались к самому интересному с точки зрения лингвистического анализа явлению в этом романе, а именно, к новоязу. Вымышленный язык в рамках этой вымышленной вселенной. Воплощение *ангсоца*, его самое отвратительное проявление.

И первые слова, с которыми сталкивается переводчик, а соответственно и мы – это сокращенные названия министерств. Всего в романе фигурируют следующие четыре основных министерства, которые составляют государственный аппарат и регулируют жизнедеятельность общества:

- The Ministry of Truth (Министерство Правды);
- The Ministry of Peace (Министерство Мира);
- The Ministry of Love (Министерство Любви);
- The Ministry of Plenty (Министерство Изобилия).

Теперь посмотрим, как эти министерства будут называться на новоязе, и какие эквиваленты подобрал В. Голышев:

- 1) The Ministry of Truth - Minitrue
Министерство Правды – Миниправ;
- 2) The Ministry of Peace – Minipax
Министерство Мира – Минимир;
- 3) The Ministry of Love - Miniluv
Министерство Любви - Минилюб;
- 4) The Ministry of Plenty – Miniplenty
Министерство Изобилия – Минизо.

Стоит отметить, что если с министерством любви всё довольно просто, и эквивалент переводчика действительно работает, то эквиваленты к оставшимся трём министерствам вызывают сомнения. Возникают вопросы, и следовательно, требуется более глубокий анализ, который в свою очередь позволит приблизиться к истинному подтексту, заложенному автором.

Были выделены два основных момента, от которых стоит отталкиваться при подборе наиболее подходящего варианта перевода:

1. Во-первых, прошу обратить внимание на слово Ministry и на то, что от него осталось в новоязе. От слова Ministry остался лишь префикс mini, который в свою очередь является сокращением от латинского слова minimum (минимум – наименьшее количество чего-либо). Это явно сделано автором

умышленно, ведь теперь при дословном переводе новоязовских терминов мы получаем истинный замысел правящей партии, истинное предназначение новояза и ангсоца:

1) The Ministry of Truth – Minitrue – Минимум Правды (или Минимально Правдивый);

2) The Ministry of Peace – Minirax – Минимум Мира;

3) The Ministry of Love – Miniluv – Минимум Любви (или Минимально Любимая/ый);

4) The Ministry of Plenty – Miniplenty – Минимум Изобилия.

То есть требуется перевести основу слова таким образом, чтобы префикс мини выполнял свою, отведенную автором роль.

2. Во-вторых, и это конкретно касается Министерства Правды и Министерства Мира, многие сложные и важные слова планировалось из новояза убрать. Один из героев по имени Сайм (Syme – филолог, один из редакторов одиннадцатого издания новояза) позже нам об этом подробнее поведает. Но к этому мы еще вернемся. Прошу обратить внимание на то, что те слова, которые по логике автора, по законам этой альтернативной вселенной должны были в скором будущем исчезнуть, были продуманно видоизменены или вовсе заменены.

Если таким словам как Truth (истина/правда) и Plenty (изобилие), место в новоязе есть, то, например, слово Love (любовь) – явно подлежит удалению, ибо лишнее. То же касается и такого, несомненно, ненужного слова, как Peace (мир). Вместо него мы имеем Pax.

Вообще Pax – это латинское слово и обозначает следующее:

Pax, pacis f, иногда pl. [одного корня с pango и paciscor]

- мир (civilis Su): pacem facere Nep (componere AV, conciliare C, pangere L) заключать мир; pace uti C или pacem agitare (gerere) Sl жить в мире; (in) pace C, Sl, L etc. в мирное время; cum bona pace L миролюбиво, в мире и согласии; bonae paces H благодеяния мира; agere pacem perpetuam cum aliquo J жить в вечном мире с кем-л.; p, Ariovisti Cs мир с Ариовистом;

(Большой латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого)

То есть мы видим, что слово *Rax* – это, по сути, синоним слову *Peace*. Так для чего Оруэлл заменяет слово равнозначным ему? А ответ очевиден.

Когда я сам читал этот роман в оригинале, то запнулся на этом слове, поскольку банально несведущ в латыни. Оно меня запутало, сбilo с толку. Но в отличие от жителей Океании у меня есть возможность найти определение в толковом словаре. У них такой возможности нет. Они просто знают, что есть такая структура, как *Minirax*, и что она занимается военными вопросами, хотя на самом деле следит за тем, чтобы война не прекращалась или, чтобы создавать у населения иллюзию войны (отсюда и один из постулатов, часть лозунга партии – «WAR IS PEACE»).

Но Минимир же никого не сбивает с толку. Слова «мир» вообще не должно быть в следующем издании новояза. Отсюда можно заключить, что этот вариант не совсем корректен. Со своей стороны позволю себе предложить транслитерировать *Minirax*. Ведь получившийся вариант всецело раскрывает задумку Оруэлла. При этом, воспользовавшись данным приёмом перевода (да, наряду с транскрипцией, самым простым базовым приёмом) В. Голышев, по моему мнению, уделил бы большую почтительность читателю. Ведь читатель – это не житель Океании. Ему не нужно «разжевывать» и упрощать произведение. Читатель вполне способен разобраться с неясностями, если посчитает это нужным. Наткнётся на гипотетически незнакомое «пакс» - полезет в словарь (а в наши дни просто «загуглит») и откроет для себя истинный подтекст, замысел автора. Ни в коем случае не хочу сказать, что В. Голышев умышленно выказывает неуважение, но совершенно очевидно на определенном этапе и в определенном смысле недооценивает свою целевую аудиторию.

Хотелось бы также отметить субъективно не слишком удачное Миниправ. Зная оригинал и более того имея четкое определение, данное самим автором ещё вначале романа, корень –прав- у меня, как у читателя, рефлекторно отождествлялся с правом, нежели правдой. На подсознательном

уровне складывалось ощущение, будто данное министерство связано каким-то образом с юриспруденцией, а не с информацией, как писал Оруэлл («...министерство правды, ведавшее информацией...» (В. Голышев)). Ведь корень слова правда – это -правд-, так зачем же было упускать букву д? Смысл исказился. Миниправд или даже Миниправда – возможно не так звучно для слуха, но вопросов не было бы. Однако, повторяюсь, данное замечание носит субъективный характер, следовательно, может восприниматься со стороны как придирка.

Теперь предлагаю обратить внимание на другой, на мой взгляд, не слишком удачный вариант перевода, а именно – Минизо.

Во-первых, обращаю внимание на то, что все виды деятельности министерств в оригинале начинаются на согласную: Truth, Peace, Love, Plenty. Теперь попробуем разобраться, зачем это сделано. Да, на первый взгляд, простое совпадение. Ну, просто слова такие, и что с того? Но на самом деле одной из целей новояза, и это понятно во многом благодаря эссе Оруэлла «О новоязе», было максимально упростить лексику для слухового восприятия, в каком-то смысле облагородить язык. Поэтому при подборе эквивалента на стадии перевода сфер деятельности министерств, должен быть учтен тот факт, что при сокращении министерства до мини, корень слова для сохранения благозвучности должен также начинаться на согласную. Голышев же не учёл этого и справедливо столкнулся с неудобством перевода Miniplenty. Произошел стык двух одинаковых букв. Это явно не характерно для новояза. Однако вместо того, чтобы подобрать другой перевод слову plenty, Голышев решает опустить букву –и для сохранения благозвучия. Он снова проделал то, с чем мы сталкивались выше (телекран и Миниправ).

Во-вторых, и это важнее, в оригинале автор переносит слово plenty в новояз. А у нас Минизо. Что за Минизо? Если Минипакс поймут не все, то Минизо не поймёт никто. Почему plenty перешло в новояз, а изобилие – нет? Может, Миниизобилие? Но тут нарушается пункт номер один. Стык двух

одинаковых гласных сильно режет слух. Тогда Минизобилие? Нет, это ещё хуже.

Но выход всё же есть. Мне, как человеку, изначально получавшему экономическое образование, пришёл на ум другой вариант – роскошь. Да, изобилие – это самый очевидный перевод слова plenty в данном контексте. Но прямое калькирование не сработало. Несмотря на то, что мы говорим о министерстве экономики, и под plenty скорее всего подразумевается распределение ресурсов, данное министерство также занимается распределением шоколада, джина, сигарет и прочих предметов роскоши. Поэтому, несмотря на то, что экономическим эквивалентом роскоши в английском языке всё же является luxury, при данных обстоятельствах считаю допустимым действовать таким образом.

Если перевести The Ministry of Plenty, как Министерство Роскоши, то сохранится и смысл, заложенный автором, и над эквивалентом новояза ломать голову не потребуется. Miniplenty – Минироскошь. Даже по благозвучности они идентичны, поскольку транскрибируются на шесть фонем каждое.

Теперь вариант Д. Иванова и В. Недошвина:

- 1) Министерство Правды – Миниправда;
- 2) Министерство Мира – Минимир;
- 3) Министерство Любви - Минилюбовь;
- 4) Министерство Изобилия – Минимного.

Поскольку с первыми тремя вариантами мы разобрались выше, то перейдём непосредственно к четвёртому. Д. Иванов и В. Недошвин не стали отступать от варианта В. Голышева при переводе староязовского названия министерства, однако, его новоязовское имя всё же претерпело изменение. Минимного. Честно говоря, данный окказионализм переводчика вызвал в плохом смысле удивление при прочтении. Если вариант В. Голышева хоть и мел свои недостатки, но в нём просматривалась попытка переводчика следовать канонам новояза, то в данном случае такого сказать нельзя.

Министерство под названием Минимного – это, мягко говоря, странновато. Даже учитывая доведенную до абсурда концепцию миропостороеия в романе, данный вариант всё равно явно не подходит.

Несомненно, тяжелым испытанием для переводчиков является и такой феномен как «Двухминутка ненависти» (Two Minutes Hate).

Текст оригинала:

«As usual, the face of Emmanuel Goldstein, the Enemy of the People, had flashed on to the screen. There were hisses here and there among the audience. The little sandy-haired woman gave a squeak of mingled fear and disgust. Goldstein was the renegade and backslider who once, long ago (how long ago, nobody quite remembered), had been one of the leading figures of the Party, almost on a level with Big Brother himself, and then had engaged in counterrevolutionary activities, had been condemned to death, and had mysteriously escaped and disappeared. The programmes of the Two Minutes Hate varied from day to day, but there was none in which Goldstein was not the principal figure. He was the primal traitor, the earliest defiler of the Party's purity. All subsequent crimes against the Party, all treacheries, acts of sabotage, heresies, deviations, sprang directly out of his teaching. Somewhere or other he was still alive and hatching his conspiracies: perhaps somewhere beyond the sea, under the protection of his foreign paymasters, perhaps even — so it was occasionally rumoured — in some hiding-place in Oceania itself.

Winston's diaphragm was constricted. He could never see the face of Goldstein without a painful mixture of emotions. It was a lean Jewish face, with a great fuzzy aureole of white hair and a small goatee beard — a clever face, and yet somehow inherently despicable, with a kind of senile silliness in the long thin nose, near the end of which a pair of spectacles was perched. It resembled the face of a sheep, and the voice, too, had a sheep-like quality. Goldstein was delivering his usual venomous attack upon the doctrines of the Party — an attack so exaggerated and perverse that a child should have been able to see through it, and yet just plausible enough to fill one with an alarmed feeling that other people, less

level-headed than oneself, might be taken in by it. He was abusing Big Brother, he was denouncing the dictatorship of the Party, he was demanding the immediate conclusion of peace with Eurasia, he was advocating freedom of speech, freedom of the Press, freedom of assembly, freedom of thought, he was crying hysterically that the revolution had been betrayed — and all this in rapid polysyllabic speech which was a sort of parody of the habitual style of the orators of the Party, and even contained Newspeak words: more Newspeak words, indeed, than any Party member would normally use in real life. And all the while, lest one should be in any doubt as to the reality which Goldstein's specious claptrap covered, behind his head on the telescreen there marched the endless columns of the Eurasian army — row after row of solid-looking men with expressionless Asiatic faces, who swam up to the surface of the screen and vanished, to be replaced by others exactly similar. The dull rhythmic tramp of the soldiers' boots formed the background to Goldstein's bleating voice.

Before the Hate had proceeded for thirty seconds, uncontrollable exclamations of rage were breaking out from half the people in the room. The self-satisfied sheep-like face on the screen, and the terrifying power of the Eurasian army behind it, were too much to be borne: besides, the sight or even the thought of Goldstein produced fear and anger automatically. He was an object of hatred more constant than either Eurasia or Eastasia, since when Oceania was at war with one of these Powers it was generally at peace with the other. But what was strange was that although Goldstein was hated and despised by everybody, although every day and a thousand times a day, on platforms, on the telescreen, in newspapers, in books, his theories were refuted, smashed, ridiculed, held up to the general gaze for the pitiful rubbish that they were in spite of all this, his influence never seemed to grow less. Always there were fresh dupes waiting to be seduced by him. A day never passed when spies and saboteurs acting under his directions were not unmasked by the Thought Police. He was the commander of a vast shadowy army, an underground network of conspirators dedicated to the overthrow of the State. The Brotherhood, its name was supposed to be. There were also whispered stories

of a terrible book, a compendium of all the heresies, of which Goldstein was the author and which circulated clandestinely here and there. It was a book without a title. People referred to it, if at all, simply as the book. But one knew of such things only through vague rumours. Neither the Brotherhood nor the book was a subject that any ordinary Party member would mention if there was a way of avoiding it.

In its second minute the Hate rose to a frenzy. People were leaping up and down in their places and shouting at the tops of their voices in an effort to drown the maddening bleating voice that came from the screen. The little sandy-haired woman had turned bright pink, and her mouth was opening and shutting like that of a landed fish. Even O'Brien's heavy face was flushed. He was sitting very straight in his chair, his powerful chest swelling and quivering as though he were standing up to the assault of a wave. The dark-haired girl behind Winston had begun crying out 'Swine! Swine! Swine!' and suddenly she picked up a heavy Newspeak dictionary and flung it at the screen. It struck Goldstein's nose and bounced off; the voice continued inexorably. In a lucid moment Winston found that he was shouting with the others and kicking his heel violently against the rung of his chair. The horrible thing about the Two Minutes Hate was not that one was obliged to act a part, but, on the contrary, that it was impossible to avoid joining in. Within thirty seconds any pretence was always unnecessary. A hideous ecstasy of fear and vindictiveness, a desire to kill, to torture, to smash faces in with a sledge-hammer, seemed to flow through the whole group of people like an electric current, turning one even against one's will into a grimacing, screaming lunatic. And yet the rage that one felt was an abstract, undirected emotion which could be switched from one object to another like the flame of a blowlamp. Thus, at one moment Winston's hatred was not turned against Goldstein at all, but, on the contrary, against Big Brother, the Party, and the Thought Police; and at such moments his heart went out to the lonely, derided heretic on the screen, sole guardian of truth and sanity in a world of lies. And yet the very next instant he was at one with the people about him, and all that was said of Goldstein seemed to him to be true. At those moments his secret loathing of Big Brother changed into adoration, and Big

Brother seemed to tower up, an invincible, fearless protector, standing like a rock against the hordes of Asia, and Goldstein, in spite of his isolation, his helplessness, and the doubt that hung about his very existence, seemed like some sinister enchanter, capable by the mere power of his voice of wrecking the structure of civilization.

It was even possible, at moments, to switch one's hatred this way or that by a voluntary act. Suddenly, by the sort of violent effort with which one wrenches one's head away from the pillow in a nightmare, Winston succeeded in transferring his hatred from the face on the screen to the dark-haired girl behind him. Vivid, beautiful hallucinations flashed through his mind. He would flog her to death with a rubber truncheon. He would tie her naked to a stake and shoot her full of arrows like Saint Sebastian. He would ravish her and cut her throat at the moment of climax. Better than before, moreover, he realized why it was that he hated her. He hated her because she was young and pretty and sexless, because he wanted to go to bed with her and would never do so, because round her sweet supple waist, which seemed to ask you to encircle it with your arm, there was only the odious scarlet sash, aggressive symbol of chastity.

The Hate rose to its climax. The voice of Goldstein had become an actual sheep's bleat, and for an instant the face changed into that of a sheep. Then the sheep-face melted into the figure of a Eurasian soldier who seemed to be advancing, huge and terrible, his sub-machine gun roaring, and seeming to spring out of the surface of the screen, so that some of the people in the front row actually flinched backwards in their seats. But in the same moment, drawing a deep sigh of relief from everybody, the hostile figure melted into the face of Big Brother, black-haired, black-moustachio'd, full of power and mysterious calm, and so vast that it almost filled up the screen. Nobody heard what Big Brother was saying. It was merely a few words of encouragement, the sort of words that are uttered in the din of battle, not distinguishable individually but restoring confidence by the fact of being spoken. Then the face of Big Brother faded away again, and instead the three slogans of the Party stood out in bold capitals:

WAR IS PEACE
FREEDOM IS SLAVERY
IGNORANCE IS STRENGTH

(Оруэлл, 1949:6-8)

Перевод В. Голышева:

«Как всегда, на экране появился враг народа Эммануэль Голдстейн. Зрители зашикали. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами взвизгнула от страха и омерзения. Голдстейн, отступник и ренегат, когда-то, давным-давно (так давно, что никто уже и не помнил, когда), был одним из руководителей партии, почти равным самому Старшему Брату, а потом встал на путь контрреволюции, был приговорен к смертной казни и таинственным образом сбежал, исчез. Программа двухминутки каждый день менялась, но главным действующим лицом в ней всегда был Голдстейн. Первый изменник, главный осквернитель партийной чистоты. Из его теорий произрастали все дальнейшие преступления против партии, все вредительства, предательства, ереси, уклоны. Неведомо где он все еще жил и ковал крамолу: возможно, за морем, под защитой своих иностранных хозяев, а возможно — ходили и такие слухи, — здесь, в Океании, в подполье.

Уинстону стало трудно дышать. Лицо Голдстейна всегда вызывало у него сложное и мучительное чувство. Сухое еврейское лицо в ореоле легких седых волос, козлиная бородка — умное лицо и вместе с тем необъяснимо отталкивающее; и было что-то сенильное в этом длинном хрящеватом носе с очками, съехавшими почти на самый кончик. Он напоминал овцу, и в голосе его слышалось бляение. Как всегда, Голдстейн злобно обрушился на партийные доктрины; нападки были настолько вздорными и несуразными, что не обманули бы и ребенка, но при этом не лишены убедительности, и слушатель невольно опасался, что другие люди, менее трезвые, чем он, могут Голдстейну поверить. Он поносил Старшего Брата, он обличал диктатуру партии. Требовал немедленного мира с Евразией, призывал к свободе слова, свободе печати, свободе собраний, свободе мысли; он истерически кричал,

что революцию предали, — и все скороговоркой, с составными словами, будто пародируя стиль партийных ораторов, даже с новоязовскими словами, причем у него они встречались чаще, чем в речи любого партийца. И все время, дабы не было сомнений в том, что стоит за лицемерными разглагольствованиями Голдстейна, позади его лица на экране маршировали бесконечные евразийские колонны: шеренга за шеренгой кряжистые солдаты с невозмутимыми азиатскими физиономиями выплывали из глубины на поверхность и растворялись, уступая место точно таким же. Глухой мерный топот солдатских сапог сопровождал бляению Голдстейна.

Ненависть началась каких-нибудь тридцать секунд назад, а половина зрителей уже не могла сдержать яростных восклицаний. Невыносимо было видеть это самодовольное овечьё лицо и за ним — устрашающую мощь евразийских войск; кроме того, при виде Голдстейна и даже при мысли о нем страх и гнев возникали рефлекторно. Ненависть к нему была постояннее, чем к Евразии и Остзии, ибо когда Океания воевала с одной из них, с другой она обыкновенно заключала мир. Но вот что удивительно: хотя Голдстейна ненавидели и презирали все, хотя каждый день, но тысяче раз на дню, его учение опровергали, громили, уничтожали, высмеивали как жалкий вздор, влияние его нисколько не убывало. Все время находились, новые простофили, только и дожидавшиеся, чтобы он их совратил. Не проходило и дня без того, чтобы полиция мыслей не разоблачала шпионов и вредителей, действовавших по его указке. Он командовал огромной подпольной армией, сетью заговорщиков, стремящихся к свержению строя. Предполагалось, что она называется Братство. Поговаривали шепотом и об ужасной книге, своде всех ересей — автором ее был Голдстейн, и распространялась она нелегально. Заглавия у книги не было. В разговорах о ней упоминали — если упоминали вообще — просто как о книге. Но о таких вещах было известно только по неясным слухам. Член партии по возможности старался не говорить ни о Братстве, ни о книге.

Ко второй минуте ненависть перешла в исступление. Люди вскакивали с мест и кричали во все горло, чтобы заглушить непереносимый блеющий голос Голдстейна. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами стала пунцовой и разевала рот, как рыба на суше. Тяжелое лицо О'Брайена тоже побагровело. Он сидел выпрямившись, и его мощная грудь вздымалась и содрогалась, словно в нее бил прибой. Темноволосая девица позади Уинстона закричала: «Подлец! Подлец! Подлец!» — а потом схватила тяжелый словарь новояза и запустила им в телекран. Словарь угодил Голдстейну в нос и отлетел. Но голос был неистребим. В какой-то миг просветления Уинстон осознал, что сам кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула. Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне. Какие-нибудь тридцать секунд — и притворяться тебе уже не надо. Словно от электрического разряда, нападали на все собрание гнусные корчи страха и мстительности, исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращались в сумасшедших. При этом ярость была абстрактной и ненацеленной, ее можно было повернуть в любую сторону, как пламя паяльной лампы. И вдруг оказывалось, что ненависть Уинстона обращена вовсе не на Голдстейна, а наоборот, на Старшего Брата, на партию, на полицию мыслей; в такие мгновения сердцем он был с этим одиноким осмеянным еретиком, единственным хранителем здравомыслия и правды в мире лжи. А через секунду он был уже заодно с остальными, и правдой ему казалось все, что говорят о Голдстейне. Тогда тайное отвращение к Старшему Брату превращалось в обожание, и Старший Брат возносился над всеми — неуязвимый, бесстрашный защитник, скалою вставший перед азийскими ордами, а Голдстейн, несмотря на его изгойство и беспомощность, несмотря на сомнения в том, что он вообще еще жив, представлялся зловещим колдуном, способным одной только силой голоса разрушить здание цивилизации.

А иногда можно было, напрягшись, сознательно обратить свою ненависть на тот или иной предмет. Каким-то бешеным усилием воли, как отрываешь голову от подушки во время кошмара, Уинстон переключил ненависть с экранного лица на темноволосую девицу позади. В воображении замелькали прекрасные отчетливые картины. Он забьет ее резиновой дубинкой. Голую привяжет к столбу, истычет стрелами, как святого Себастьяна. Изнасилует и в последних судорогах перережет глотку. И яснее, чем прежде, он понял, за что ее ненавидит. За то, что молодая, красивая и бесполоая; за то, что он хочет с ней спать и никогда этого не добьется; за то, что на нежной тонкой талии, будто созданной для того, чтобы ее обнимали, — не его рука, а этот алый кушак, воинствующий символ непорочности.

Ненависть кончалась в судорогах. Речь Голдстейна превратилась в натуральное блеяние, а его лицо на миг вытеснила овечья морда. Потом морда растворилась в евразийском солдате: огромный и ужасный, он шел на них, паля из автомата, грозя прорвать поверхность экрана, — так что многие отпрянули на своих стульях. Но тут же с облегчением вздохнули: фигуру врага заслонила наплывом голова Старшего Брата, черноволосая, черноусая, полная силы и таинственные спокойствия, такая огромная, что заняла почти весь экран. Что говорит Старший Брат, никто не расслышал. Всего несколько слов ободрения, вроде тех, которые произносит вождь в громе битвы, — сами по себе пускай невнятные, они вселяют уверенность одним тем, что их произнесли. Потом лицо Старшего Брата потускнело, и выступила четкая крупная надпись — три партийных лозунга:

ВОИНА — ЭТО
МИР СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА»

(В. Гольшев)

Перед В. Гольшевым стояла задача максимально верно передать накал ненависти толпы, направленной на злодея вселенского масштаба по имени Эммануэль Голдстейн (Emmanuel Goldstein), прообразом которого является

Лев Давидович Троцкий, он же Лейба Давидович Бронштейн (26.10.1879-21.08.1940). Также как и Голдштейн, Троцкий был в свое время одной из важнейших фигур революции, но затем проиграл борьбу за власть, а партия заклеила его предателем и обвинила в контрреволюционных преступлениях и саботаже. И также как и Голдштейн позднее стал Врагом Народа (the Enemy of the People).

Хочется сказать, что благодаря некоторым особенностям русского языка и удачным их использованием В. Голышевым, перевод получился даже экспрессивнее и эмоциональнее оригинала.

И хотя, безусловно, принимается во внимание тот факт, что родной язык как бы то ни было всё равно воспринимается гораздо ярче, но всё же попробую подтвердить вышесказанное.

Например, взять предложение:

«In its second minute the Hate rose to a frenzy».

И, по сути, идет дословный перевод:

«Ко второй минуте ненависть перешла в исступление».

Здесь стоит обратить внимание на слова frenzy и исступление.

FRENZY - A state or period of uncontrolled excitement or wild behaviour.

(Оксфордский словарь английского языка)

ИСТУПЛЕНИЕ - Состояние крайнего возбуждения, при котором теряется самообладание.

(Толковый словарь Ушакова)

Слова практически тождественные по смыслу, но слово исступление по эмоциональному накалу стоит несоизмеримо выше, поскольку в русском языке данный термин часто переплетается с таким психическим расстройством, как шизофрения. Причем речь идет необязательно о психиатрах или психологах.

Будь то, строчки из стихотворения за авторством поэтессы Елены Фанайловой:

«...Ангелы со стальными ножницами, сахарные облатки,
У Тебя есть исступление, шизофрения и эпилептические припадки...»

Или рассуждения религиозного деятеля, в данном случае преподобного Григория Синаита, где он прямо характеризует шизофрению, как «исступление из ума» (рубрика «ответы на вопросы» журнала ПРАВОСЛАВИЕ. ИНФО).

В общем, если термин *frenzy* лишь констатирует факт беснования толпы, то исступление является своего рода возбудителем бесчисленных ассоциаций, подводящих читателя к истинному, заложенному автором смыслу сего перформанса.

Все эти признаки, которые начали проявляться при отображении на экране лица Голдштейна:

«There were hisses here and there among the audience».

(Зрители зашикали).

«The little sandy-haired woman gave a squeak of mingled fear and disgust».

(Маленькая женщина с рыжеватыми волосами взвизгнула от страха и омерзения).

«...uncontrollable exclamations of rage were breaking out from half the people in the room».

(...половина зрителей уже не могла сдержать яростных восклицаний).

Итак, на лицо уже никакие не признаки, а самые настоящие симптомы. Ну и, наконец, подойдя к строчке «Ко второй минуте ненависть перешла в исступление», у читателя не остается никаких сомнений, что двухминутка ненависти – это ни что иное, как двухминутка шизофрении. Искусственная шизофрения, рефлекторно вызываемая нарезкой определенных образов, возбуждающих на бессознательном уровне нужные ассоциации у пребывающего в абсолютном исступлении «стада людей», которое в плане аллегоричности образа уступает лишь знаменитой собаке Павлова.

Также В. Голышев очень удачно маневрирует приёмами перевода, как например, смысловое развитие здесь:

«Winston's diaphragm was constricted»

(дословно: Диафрагма Уинстона была сдавлена)

В. Голышев: «Уинстону стало трудно дышать»;

и здесь:

«The Hate rose to its climax»

(дословно: Ненависть достигла своего апогея)

В. Голышев: Ненависть кончалась в судорогах.

(Лучше вписывается в атмосферу шизофрении)

и эмфатизация здесь:

«People were leaping up and down in their places and shouting at the tops of their voices in an effort to drown the maddening bleating voice that came from the screen»

(выделенная фраза, перевод дословно: ...кричали настолько громко, насколько позволял голос)

В. Голышев: «Люди вскакивали с мест и кричали во все горло, чтобы заглушить непереносимый блеющий голос Голдстейна».

Действительно, во всех случаях приёмы уместны и удачно «сглаживают» или преобразуют текст для российского читателя.

В общем и целом хочется подытожить перевод этого фрагмента. На мой взгляд, В. Голышев блестяще справился с поставленной задачей. Более того, как ни странно, перевыполнил её, благодаря особенностям русского языка. Если читая оригинал, мы, сопереживая главному герою, понимаем, как и чем достигается промывание мозгов, почему сам Уинстон Смит вопреки своему существу, сливаясь с толпой, бессознательно повторяет слова ненависти. То, читая тот же самый отрывок в переводе, благодаря экспрессии и разнообразию русского языка, чувствуешь такую охваченность событиями и вовлеченность в происходящее, что чуть ли не сам подсказываешь и подражаешь описанной пребывающей в неистовстве толпе.

Таким образом, В. Голышеву удалось не только не исказить концепцию, заложенную автором, но также, несмотря на практически полное сохранение конструкции текста, в какой-то мере и преобразить.

Что касается перевода В. Недошивина и Д. Иванова, то в данном случае не имеет смысла разбирать его отдельно, поскольку он практически идентичен переводу В. Голышева. В целом атмосферу им также удалось сохранить. Хотя перевод и выглядел чуть проще. Например вышеуказанное исступление было заменено на бешенство. В принципе равнозначно, но всё же бешенство – это не настолько деперсонализированное состояние и нужного эффекта не достигает.

Единственный раз, когда перевод не совсем отвечал оригиналу, это предложение: «Кое-кто зашикал». В оригинале оно выглядит следующим образом: «There were hisses here and there among the audience». То есть Оруэлл пишет о неконтролируемых проявлениях эмоций, охвативших всю толпу, что в данном переводе нивелируется.

Следующим испытанием для В. Голышева стал перевод заданий связанных с работой Уинстона Смита. Вот как это выглядело в оригинале:

«times 17.3.84 bb speech malreported africa rectify
times 19.12.83 forecasts 3 up 4th quarter 83 misprints verify current issue
times 14.2.84 miniplenty malquoted chocolate rectify
times 3.12.83 reporting bb dayorder doubleplusungood refs unpersons
rewrite fullwise upsub antefiling»

Стоит отметить, что это даже не новояз, а так называемый «abbreviated jargon». Вот как сам автор описывает данное явление:

«Each contained a message of only one or two lines, in the abbreviated jargon — not actually Newspeak, but consisting largely of Newspeak words — which was used in the Ministry for internal purposes» (Дж. Оруэлл).

«На каждом — задание в одну-две строки, на телеграфном жаргоне, который не был, по существу, новоязом, но состоял из новоязовских слов и служил в министерстве только для внутреннего употребления» (В. Голышев).

Стоит отметить, что дословно «abbreviated jargon» - это «жаргон сокращений» или «аббревиатурный жаргон». Однако, опять же удачно использовав смысловое развитие, В. Голышев, как видно выше, избрал более привычное читателю выражение – телеграфный жаргон. Данный эквивалент вполне отображает суть термина и более того намекает на область его применения, что не противоречит канонам романа.

Теперь посмотрим, как перевел В. Голышев само задание:

«таймс 17.03.84 речь с. б. превратно африка уточнить

таймс 19.12.83 план 4 квартала 83 опечатки согласовать сегодняшним номером

таймс 14.02.84 заяв минизо превратно шоколад уточнить

таймс 03.12.83 минусминус изложен наказ с. б. упомянуты нелица переписать сквозь наверх до подшивки»

Но если с первыми тремя переводчик справился без проблем, впрочем, как и сам Уинстон Смит, то последнее задание всё же вызывает сложности. Однако далее на помощь приходит сам Оруэлл и объясняет мыслями главного героя, как собственно это работает:

«times 3.12.83 reporting bb dayorder doubleplusungood refs unpersons rewrite fullwise upsub antefiling

In Oldspeak (or standard English) this might be rendered: The reporting of Big Brother's Order for the Day in The Times of December 3rd 1983 is extremely unsatisfactory and makes references to non-existent persons. Rewrite it in full and submit your draft to higher authority before filing».

«таймс 03.12.83 минусминус изложен наказ с. б. упомянуты нелица переписать сквозь наверх до подшивки

На староязе (обычном английском) это означало примерно следующее: В номере «Таймс» от 3 декабря 1983 года крайне неудовлетворительно изложен приказ Старшего Брата по стране: упомянуты несуществующие лица. Перепишите полностью и представьте ваш вариант руководству до того, как отправить в архив». (В. Голышев)

И действительно, всё становится понятно. В. Голышев практически не отошел от оригинала. Исключение составило лишь новоязовское слово «doubleplusungood». Дословно это было бы «двойной плюс неудовлетворительно» или, если сохранять оригинальный объем, «плюсплюсневерно». Но это всё же слишком громоздко и не отвечает негласным дефолтным требованиям новояза о максимальной лаконичности. В. Голышев, однако, с честью выходит из этой непростой ситуации, прибегнув к антонимическому переводу, заменяя положительную форму «плюсплюсневерно» на отрицательную «минусминус», без искажения исходного смысла.

В целом, на мой взгляд, очень удачно передана сама суть данного фрагмента. При первом прочтении заданий ничего не понятно, но, продвинувшись на несколько абзацев далее, и, возвращаясь снова к заданиям, всё раскладывается по полочкам. Смысл телеграфного жаргона состоит в передаче максимально возможного объема информации путем задействования минимально возможного набора не только слов, но скорее даже букв. Отсюда и «abbreviated jargon».

В. Недошивина и Д. Иванова:

«таймс 17.03.84 речь об искаженное сообщение африка исправить

таймс 19.12.83 прогнозы 3 годплан 4-й квартал 83 опечатки уточнить
последний номер

таймс 14.02.84 минимно искаженная цитата шоколад исправить

таймс 3.12.83 сообщение приказа дня бб плюсплюс антихоршее
ссылки величности переписать полностью доложить наверх до подшивки»

(В. Недошивин и Д. Иванов).

В первом задании откуда-то появился предлог, без которого не то что можно, а нужно было обойтись. В третьем задании выстраданное минимного было почему-то внезапно сокращено до «минимно». Четвертое задание вышло громоздким и не похожим на телеграфный жаргон, точнее у В. Недошивина и Д. Иванова это – «деловой жаргон», который не является

удачным эквивалентом к «abbreviated jargon». Тем более, что официально-деловой стиль существует в действительности.

Наконец, соблюдая сюжетную хронологию романа, мы подобрались к самому важному, с точки зрения лингвистического анализа, диалогов.

Ранее при разборе перевода названий министерств, речь уже заходила о таком персонаже, как Сайм.

«Syme was a philologist, a specialist in Newspeak» (Оруэлл).

«Сайм был филолог, специалист по новоязу» (В. Голышев).

Этот персонаж вводится автором специально для того, чтобы пролить свет на суть новояза. Да, после романа нас также ожидает эссе самого Оруэлла под названием «О Новоязе», в котором всё очень детально поясняется. Но, поскольку сам автор поместил его в конец, то при анализе предлагаю исходить всё же из той информации, которую мы опять же в хронологическом порядке черпаем по ходу продвижения по сюжету. Задумано это с той целью, что мы должны разобрать перевод не только с точки зрения лингвиста, но также с точки зрения читателя, для кого, собственно говоря, переводы и создаются.

Итак, между Саймом и Уинстоном Смитом происходит беседа следующего содержания:

«How is the Dictionary getting on?» said Winston, raising his voice to overcome the noise.

‘Slowly,’ said Syme. ‘I’m on the adjectives. It’s fascinating.’

He had brightened up immediately at the mention of Newspeak. He pushed his pannikin aside, took up his hunk of bread in one delicate hand and his cheese in the other, and leaned across the table so as to be able to speak without shouting.

‘The Eleventh Edition is the definitive edition,’ he said. ‘We’re getting the language into its final shape — the shape it’s going to have when nobody speaks anything else. When we’ve finished with it, people like you will have to learn it all over again. You think, I dare say, that our chief job is inventing new words. But not a bit of it! We’re destroying words — scores of them, hundreds of them, every

day. We're cutting the language down to the bone. The Eleventh Edition won't contain a single word that will become obsolete before the year 2050.'

He bit hungrily into his bread and swallowed a couple of mouthfuls, then continued speaking, with a sort of pedant's passion. His thin dark face had become animated, his eyes had lost their mocking expression and grown almost dreamy. 'It's a beautiful thing, the destruction of words. Of course the great wastage is in the verbs and adjectives, but there are hundreds of nouns that can be got rid of as well. It isn't only the synonyms; there are also the antonyms. After all, what justification is there for a word which is simply the opposite of some other word? A word contains its opposite in itself. Take "good", for instance. If you have a word like "good", what need is there for a word like "bad"? "Ungood" will do just as well — better, because it's an exact opposite, which the other is not. Or again, if you want a stronger version of "good", what sense is there in having a whole string of vague useless words like "excellent" and "splendid" and all the rest of them? "Plusgood" covers the meaning, or "doubleplusgood" if you want something stronger still. Of course we use those forms already, but in the final version of Newspeak there'll be nothing else. In the end the whole notion of goodness and badness will be covered by only six words — in reality, only one word. Don't you see the beauty of that, Winston? It was B.B.'s idea originally, of course,' he added as an afterthought.

A sort of vapid eagerness flitted across Winston's face at the mention of Big Brother. Nevertheless Syme immediately detected a certain lack of enthusiasm. 'You haven't a real appreciation of Newspeak, Winston,' he said almost sadly. 'Even when you write it you're still thinking in Oldspeak. I've read some of those pieces that you write in The Times occasionally. They're good enough, but they're translations. In your heart you'd prefer to stick to Oldspeak, with all its vagueness and its useless shades of meaning. You don't grasp the beauty of the destruction of words. Do you know that Newspeak is the only language in the world whose vocabulary gets smaller every year?'

Winston did know that, of course. He smiled, sympathetically he hoped, not trusting himself to speak. Syme bit off another fragment of the dark-coloured bread, chewed it briefly, and went on:

'Don't you see that the whole aim of Newspeak is to narrow the range of thought? In the end we shall make thoughtcrime literally impossible, because there will be no words in which to express it. Every concept that can ever be needed, will be expressed by exactly one word, with its meaning rigidly defined and all its subsidiary meanings rubbed out and forgotten. Already, in the Eleventh Edition, we're not far from that point. But the process will still be continuing long after you and I are dead. Every year fewer and fewer words, and the range of consciousness always a little smaller. Even now, of course, there's no reason or excuse for committing thoughtcrime. It's merely a question of self-discipline, reality-control. But in the end there won't be any need even for that. The Revolution will be complete when the language is perfect. Newspeak is Ingsoc and Ingsoc is Newspeak,' he added with a sort of mystical satisfaction. 'Has it ever occurred to you, Winston, that by the year 2050, at the very latest, not a single human being will be alive who could understand such a conversation as we are having now?'

(Оруэлл).

«— Как подвигается словарь? — Из-за шума Уинстон тоже повысил голос.

— Медленно, — ответил Сайм. — Сижу над прилагательными. Очарование.

Заговорив о новоязе, Сайм сразу взбодрился. Отодвинул миску, хрупкой рукой взял хлеб, в другую — кубик сыра и, чтобы не кричать, подался к Уинстону.

— Одиннадцатое издание — окончательное издание. Мы придаем языку завершённый вид — в этом виде он сохранится, когда ни на чем другом не будут говорить. Когда мы закончим, людям вроде вас придется изучать его сызнова. Вы, вероятно, полагаете, что главная наша работа — придумывать новые слова. Ничуть не бывало. Мы уничтожаем слова —

десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, оставляем от языка скелет. В две тысячи пятидесятом году ни одно слово, включенное в одиннадцатое издание, не будет устаревшим.

Он жадно откусил хлеб, прожевал и с педантским жаром продолжал речь. Его худое темное лицо оживилось, насмешка в глазах исчезла, и они стали чуть ли не мечтательными.

— Это прекрасно — уничтожать слова. Главный мусор скопился, конечно, в глаголах и прилагательных, но и среди существительных — сотни и сотни лишних. Не только синонимов; есть ведь и антонимы. Ну скажите, для чего нужно слово, которое есть полная противоположность другому? Слово само содержит свою противоположность. Возьмем, например, «голод». Если есть слово «голод», зачем вам «сытость»? «Неголод» ничем не хуже, даже лучше, потому что оно — прямая противоположность, а «сытость» — нет. Или оттенки и степени прилагательных. «Хороший» — для кого хороший? А «плюсовой» исключает субъективность. Опять же, если вам нужно что-то сильнее «плюсового», какой смысл иметь целый набор расплывчатых бесполезных слов — «великолепный», «отличный» и так далее? «Плюс плюсовой» охватывает те же значения, а если нужно еще сильнее — «плюсплюс плюсовой». Конечно, мы и сейчас уже пользуемся этими формами, но в окончательном варианте новояза других просто не останется. В итоге все понятия плохого и хорошего будут описываться только шестью словами, а по сути, двумя. Вы чувствуете, какая стройность, Уинстон? Идея, разумеется, принадлежит Старшему Брату, — спохватившись, добавил он.

При имени Старшего Брата лицо Уинстона вяло изобразило пыл. Сайму его энтузиазм показался неубедительным.

— Вы не цените новояз по достоинству, — заметил он как бы с печалью. — Пишете на нем, а думаете все равно на староязе. Мне попадались ваши материалы в «Таймс». В душе вы верны староязу со всей его расплывчатостью и ненужными оттенками значений. Вам не открылась

красота уничтожения слов. Знаете ли вы, что новояз — единственный на свете язык, чей словарь с каждым годом сокращается?

Этого Уинстон, конечно, не знал. Он улыбнулся, насколько мог сочувственно, не решаясь раскрыть рот. Сайм откусил еще от черного ломтя, наскоро прожевал и заговорил снова, — неужели вам непонятно, что задача новояза — сузить горизонты мысли? В конце концов мы сделаем мыслепреступление попросту невозможным — для него не останется слов. Каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом, значение слова будет строго определено, а побочные значения упразднены и забыты. В одиннадцатом издании, мы уже на подходе к этой цели. Но процесс будет продолжаться и тогда, когда нас с вами не будет на свете. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли. Разумеется, и теперь для мыслепреступления нет ни оправданий, ни причин. Это только вопрос самодисциплины, управления реальностью. Но в конце концов и в них нужда отпадет. Революция завершится тогда, когда язык станет совершенным. Новояз — это ангсоц, ангсоц — это новояз, — проговорил он с какой-то религиозной умиротворенностью. — Приходило ли вам в голову, Уинстон, что к две тысячи пятидесятому году, а то и раньше, на земле не останется человека, который смог бы понять наш с вами разговор?» (В. Гольшев).

Здесь мы узнаём, что словарь находится в завершающей стадии обработки. Ведется работа над последним – одиннадцатым изданием. Сайм же остановился на прилагательных. Вот как он характеризует работу своего отдела:

«We're cutting the language down to the bone».

Дословно: «Мы срезаем язык до кости».

Но В. Гольшев переводит данное предложение таким образом, что раскрывается задумка о конечном состоянии новояза: «Если угодно, оставляем от языка скелет». Да, «bone» – это не совсем скелет. Это кость. Скелет – это всё же «Skeleton» или «bone man». Но в очередной раз, верно

истолковав смысл, вложенный автором, В. Голышев удачно использует смысловое развитие.

Далее Сайм приводит конкретные примеры. И тут мы натываемся на очень странное явление. Прошу обратить внимание на середину данного абзаца:

«Слово само содержит свою противоположность. Возьмем, например, «голод». Если есть слово «голод», зачем вам «сытость»? «Неголод» ничем не хуже, даже лучше, потому что оно — прямая противоположность, а «сытость» — нет. Или оттенки и степени прилагательных. «Хороший» — для кого хороший? А «плюсовой» исключает субъективность. Опять же, если вам нужно что-то сильнее «плюсового», какой смысл иметь целый набор расплывчатых бесполезных слов — «великолепный», «отличный» и так далее? «Плюс плюсовой» охватывает те же значения, а если нужно еще сильнее — «плюсплюс плюсовой». (В. Голышев)

А теперь оригинал:

«A word contains its opposite in itself. Take "good", for instance. If you have a word like "good", what need is there for a word like "bad"? "Ungood" will do just as well — better, because it's an exact opposite, which the other is not. Or again, if you want a stronger version of "good", what sense is there in having a whole string of vague useless words like "excellent" and "splendid" and all the rest of them? "Plusgood" covers the meaning, or "doubleplusgood" if you want something stronger still». (Оруэлл).

То есть получается, что переводчик самостоятельно разнообразил для Сайма его же примеры. Честно говоря, очень тяжело подобрать объяснения такому действию. Возможно, В. Голышев исходил из того, что одного примера на три случая мало и краткость, которая является одной из главных особенностей индивидуального стиля писателя, имеет смысл разбавить дополнительным примером. Или же переводчик решил, что выбранная им

самим в качестве эквивалента приставке «un-» приставка «не-» в данном случае не придает антониму убедительного противопоставления. Но в действительности нам остается только гадать, поскольку задать вопрос самому Виктору Петровичу при всём желании представляется в известной степени неосуществимым.

В. Недошивин и Д. Иванов не пошли по этому пути и перевели максимально близко к оригиналу:

«Ведь каждое понятие уже включает в себе свою противоположность. Возьмем, например, слово «хорошо». Если оно есть, зачем нужно слово «плохо»? «Антихорошо» вполне сойдет, будет даже лучше. Потому что это слово имеет прямо противоположное значение, а слово «плохо» такого значения не имеет. Опять-таки, если тебе потребуется более сильная форма слова «хорошо», какой смысл иметь целую цепочку неопределенных, бесполезных слов вроде «отлично», «превосходно» и т. д.? «Плюсхорошо» все это выразит или, если нужно сказать еще сильнее, «плюсплюсхорошо»». (В. Недошивин и Д. Иванов).

В отличие от В. Голышева, В. Недошивин и Д. Иванов употребили, возможно более подходящую ввиду своей универсальности и ярко-выраженному характеру противопоставления приставку «анти-». И вот тут В. Недошивин и Д. Иванов продемонстрировали большую дальновидность относительно В. Голышева. Ведь если откатиться немного назад, к заданиям Уинстона Смита, а именно к последнему из них, то мы видим, что В. Голышев при переводе «doubleplusungood» уже использовал «минусминус». Но, исходя из слов Сайма, в итоге минимум слов и морфем. То есть в новоязе уже не должно быть разных способов антонимизации. Должно быть либо «не-», либо «минус». А у В. Голышева присутствует и то, и другое. В. Недошивин и Д. Иванов учли это и «doubleplusungood» у них было переведено, как «плюсплюс антихорошее». Возможно, это звучит и не так убедительно, как у В. Голышева, но не противоречит канонам романа.

Тут же чуть ниже по тексту мы натываемся, смею предположить, на самый кривой в плане подбора эквивалента термин во всем романе. И этот термин – «duckspeak». Судить о сложности его переноса на русский язык можно только потому, что переводчики предложили совершенно разные варианты.

Итак, что же такое «duckspeak»:

«'There is a word in Newspeak,' said Syme, 'I don't know whether you know it: duckspeak, to quack like a duck. It is one of those interesting words that have two contradictory meanings. Applied to an opponent, it is abuse, applied to someone you agree with, it is praise.'» (Оруэлл).

Теперь вариант перевода В. Недошивина и Д. Иванова:

«— На новоязе есть слово,— заметил Сайм,— не уверен, что ты знаешь его, — «раскрякаться». Интересное выражение, одно из немногих, что имеют два противоположных значения: если употребить его по отношению к противнику, оно несет оскорбительный смысл, а если по отношению к кому-нибудь, с кем ты согласен,— похвальный». (В. Недошивин и Д. Иванов).

С полной уверенностью можно заявить, что слово «раскрякаться» категорически не подходит в данном случае. Данный вариант никак нельзя сопоставить с оригиналом. Во-первых, это никакой не неологизм, а самое обычное просторечное выражение. Во-вторых, далее в эссе данный термин повторяется ещё трижды, но В. Недошивин и Д. Иванов как будто забыли о своём решении и перевели его по-новому – «уткоречь». А «duckspeaker» у них стал «уткоречером», что, конечно, тоже не слишком лаконично, но все же намного ближе к истине. Страшно подумать, какое существительное бы образовалось от слова «раскрякаться». Какой-нибудь «раскрякальщик», я полагаю.

Теперь перейдём к априори более удачному (хотя бы потому, что он другой) эквиваленту В. Голышева:

«— В новоязе есть слово, — сказал Сайм, — Не знаю, известно ли оно вам: «речекряк» — крякающий по-утиному. Одно из тех интересных слов, у которых два противоположных значения. В применении к противнику это ругательство; в применении к тому, с кем вы согласны, — похвала».

На самом деле «речекряк» - это отличный эквивалент. Мы знаем, что «duckspeak» - это утиная речь или речь утки. То есть «речекряк» пылко и рьяно, к месту и не к месту выкрикивает партийные положения, не задумываясь об их взаимоисключающем характере и общей нелепости. «Речекряк» - само по себе нелепое слово отлично передает резко негативное отношение Оруэлла к партии и его желание довести происходящее до абсурда, выставить правителей в таком свете, что у нормального человека весь этот бред ни с чем иным, как с тотальной шизофренией ассоциироваться не будет.

Сделав небольшое отступление, постараюсь объяснить по поводу чрезмерно резкой критики перевода данного фрагмента В. Недошивиным и Д. Ивановым. Дело в том, что даже такой неискушенный читатель, как я, при прочтении оригинала имел своё представление о том, каким мог бы быть русский эквивалент слову «duckspeak». Если перевести это слово калькированием, то это, как указано выше, утиная речь. Но уткоречь, например, не звучит, да и трудности с достойным существительным имеют место быть (хотя кое-кто, известно кто, считает иначе). Но можно, например, взять слово риторика. Риторика – это искусство речи. Оно будет вполне уместно, так как в эссе сам Оруэлл пишет: «...The Times referred to one of the orators of the Party as a doubleplusgood duckspeaker...». Отсюда следует, что речекряк – это в каком-то смысле ораторское искусство нового мира, мира торжества ангсоца и новояза. То есть оратор тоже может быть более (plusgood) или менее (ungood) искусным. Остаётся соединить слова утка и риторика. На выходе получаем «уткорика», а соответствующий оратор – «уткорик» (мастер утиной риторики). Нелепый неологизм, под которым понимается определенное явление. Вроде как отвечает задумке автора.

Кстати, данный вариант выдерживает даже оригинальную морфологию. Ведь если речекряк всё же может быть и оратором, и самой утиной речью, то есть судить об одушевленности/неодушевленности можно только, ознакомившись с контекстом, то «уткорика» и «уткорик» имеют различия аналогичные оригиналу и вопросов не возникает.

Во время разговора Сайма и Уинстона Смита есть также довольно интересный в плане разбора момент, когда герои подходят к раздаче пищи.

«'Nex', please!' yelled the white-aproned prole with the ladle». (Оруэлл).

«— Следующий, пожалуйста! — прокричал прол в белом фартуке и с черпаком в руке». (В. Недошивин и Д. Иванов).

Здесь при переводе допущена ошибка, потому как Оруэлл неспроста «выкинул» букву t из слова «next». Таким образом, он подчеркнул, что пролы (видимо, сокращенно от «пролетарий») разговаривают на классовом диалекте или просторечии, и даже по одному этому критерию их легко отличить от членов партии. Однако В. Недошивиным и Д. Ивановым данный факт был проигнорирован.

А вот В. Голышеву удалось верно донести эту особенность до читателя:

«— След'щий! — крикнула прола в белом фартуке, с половником в руке».

Согласитесь, очень знакомый всем нам образ.

Итак, на мой взгляд, было рассмотрено достаточно примеров для того, чтобы сформулировать вывод по данной главе.

Вывод по главе 3

Проанализировав два самых первых и популярных перевода романа Джорджа Оруэлла 1984, можно с уверенностью сказать, что сохранение авторского индивидуального стиля – задача в высшей степени сложная.

Перевод В. Голышева на сегодняшний день является в нашей стране эталонным и считается классическим и, как мы убедились сами, совершенно оправдано. В. Голышеву удалось сохранить и передать, насколько это вообще было возможно, особенный стиль повествования Оруэлла. Это произошло во многом благодаря удачному переводу авторских окказионализмов. Для этого В. Голышев в основном использовал калькирование. Положительный результат при передаче идиостиля Оруэлла на русский язык также обусловлен верной интерпретацией подтекста и скрытого смысла, которым роман буквально пропитан.

Перевод В. Недошивина и Д. Иванова выглядит на фоне «классического» не так ярко, однако, в целом атмосферность романа не сильно пострадала. При переводе окказионализмов ими также в основном использовалось калькирование, но иногда заложенный смысл искажался. Также мы отметили, что пострадал образ пролов, когда было проигнорировано очевидное намерение автора указать на использование данным сословием просторечных выражений.

Примечательно, что транслитерация переводчиками использовалась крайне редко, что довольно необычно для перевода текста книги с собственным вымышленным языком. Однако стоит отметить: в данном романе транслитерация в большинстве случаев свела бы идею автора на нет. Другие приёмы перевода также не подходили, потому что сам Оруэлл строил свои неологизмы, komponуя реально существующие слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе были изучены идиостиль Джорджа Оруэлла, а также выявлены особенности его сохранения на русский язык на примере романа «1984».

В ходе работы была изучена и проанализирована научная литература, посредством которой удалось раскрыть такие понятия «идиостиль», «языковая личность», «антиутопия» и «новояз».

Исследование показало, что идиостиль формируется на основании характера писателя, корректируется по мере накопления автором опыта и информации, а это в свою очередь означает, что индивидуальный стиль написания видоизменяется с течением жизни. Достаточно взять первую и последнюю книгу Джорджа Оруэлла, чтобы удостовериться в этом. Главной особенностью прозы Оруэлла является её абсолютная политизированность. Сам автор называет себя «политическим писателем». Обилие терминов и аллегорий соответствующей направленности требуют от переводчика дополнительного изучения определенной литературы.

Прозе Оруэлла также присущи краткость и конкретность. Роман «1984» распространяется всего на 300-350 страниц (в зависимости от издания), однако же несёт в себе такой колоссальный объем информации, что его можно трактовать, как своего рода катехизис для человека, знакомящегося с жанром антиутопия.

Анализ переводов романа позволил выявить наиболее сложные аспекты при переносе новояза на русский язык. Обилие сложных окказионализмов, их зачастую не однозначный смысл, а также целый свод правил вымышленного языка периодически ставили переводчиков в такое положение, при котором приходилось пренебрегать канонами романа или вынуждено искажать смысл, дабы хоть как-то перенести неологизм на русский язык.

При переводе неологизмов В. Голышев чаще использовал калькирование и лишь иногда транслитерацию. Д. Иванов и В. Недошвин также предпочитали калькирование, но использовали его не так удачно. А иногда и вовсе игнорировали окказионализмы. Например, если в переводе В. Голышева окказионализм «*doublethought*» сохранял характер неологизма (*мыслепреступление*), то у Д. Иванова и В. Недошвина это выглядело как преступление мысли. Данное словосочетание едва ли можно отнести к «новоязу», а, следовательно оно полностью игнорировало авторский замысел.

В целом, полученные результаты работы свидетельствуют о том, что даже спустя семьдесят лет проблема перевода так и не была полностью решена. Есть ещё множество спорных моментов, которые в будущем обязательно вызовут интерес у переводчиков, а это значит, что нас могут в перспективе ждать новые переводы. И, кто знает, возможно, кто-либо из переводчиков наткнётся на данную работу, и она сможет в какой-то мере облегчить задачу. Как говорится, ищущий да обрящет.

Список используемой литературы

1. Караулов Юрий Николаевич Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е. стереотипное. УРСС, 2004;
2. В.В. Виноградов «О ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ» ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА» МОСКВА—1971;
3. Эрик Берн «Люди, которые играют в игры», 2000, 42;
4. А.П. Чудинов, Т.А. Гридина, Н.Б. Руженцева, В.И. Томашпольский, Э.В. Будаев, М.Б. Шинкаренко: ИЗВЕСТИЯ УрГПУ «ЛИНГВИСТИКА», ВЫПУСК 19, Научное издание;
5. Т. Лесных «ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ».
6. Формановская Н.И. «Речевой этикет и культура общения». Москва, 1989.
7. Джордж Оруэлл «Политика и английский язык», 1946.
8. Журнал «Иностранная литература» 1997, 5.
9. Л.М. Юсупова «ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ АНТИУТОПИИ», 2014.
10. Э. Геворкян, Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл / Э.Геворкян. – М.: Кн. палата, 1989.
11. Кагарлицкий Ю.И., «Что такое фантастика?», 1974.
- 12./ Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
13. Oxford living dictionaries.
14. Толкового словаря русского языка Ушакова.
15. Большой Латинско-Русский Словарь по материалам словаря И. Х. Дворецкого.
16. Maslow A. H. Motivation and Personality. — New York: Harper & Row, 1954.
17. Аркадий Бартов, «Новояз» в литературе и в жизни, 2009.

18. В. М. Алпатов. «Марр, марризм и сталинизм». Философские исследования, 1993, № 4, с.271-288.
19. Газета «Правда», изд. от 03.07.1930, 20.06.1950.